

Stanley Cohen
Folk Devils and
Moral Panics

The Creation of the Mods and Rockers

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ.	
МОРАЛЬНАЯ ПАНИКА КАК КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА	7
Продолжать паниковать	9
Расширения	34
Критика	43
ГЛАВА 1. ДЕВИАНТНОСТЬ И МОРАЛЬНАЯ ПАНИКА	59
Трансакционный подход к девиантности	63
Девиантность и массмедиа	70
Случай модов и рокеров	74
ГЛАВА 2. ОПИСАНИЕ	86
Преувеличение и искажение	91
Прогнозирование	102
Символизация	104
Описание как сфабрикованные новости	109
ГЛАВА 3. РЕАКЦИЯ: МОТИВЫ МНЕНИЙ И УСТАНОВОК	117
Ориентация	120
Образы	125
Причины	135
Дифференциальная реакция	140
Модусы и модели объяснения	152
ГЛАВА 4. РЕАКЦИЯ: ФАЗЫ СПАСЕНИЯ И ЛИКВИДАЦИИ УЩЕРБА	156
Сенситизация	156
Культура социетального контроля	167
Эксплуатационная культура	246

ГЛАВА 5. НА ПЛЯЖАХ:

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ВОЗДЕЙСТВИЕ	253
Постановка декораций: фаза предупреждения	254
Массовки	260
Публика	274
Средства массовой информации	278
Агенты контроля	286
Итоги	294

ГЛАВА 6. КОНТЕКСТЫ И БЭКГРАУНДЫ:

МОЛОДЕЖЬ ШЕСТИДЕСЯТЫХ	299
Возникновение модов и рокеров	300
Проблема и решение	305
Стиль	308
Социология моральной паники	319
Подходя к концу	329

ПРИЛОЖЕНИЕ. ИСТОЧНИКИ ДАННЫХ	338
--	-----

Избранная литература для дополнительного

чтения	345
------------------	-----

Введение к третьему изданию

Моральная паника

как культурная политика

КНИГА «Народные дьяволы и моральная паника» была опубликована в 1972 году. Ее основой послужила моя докторская диссертация, написанная в 1967–1969 годах, а термин «моральная паника» во многом передает звучание конца шестидесятых¹. Его тон особенно явно резонировал с предметами изучения новой социологии девиантности и зарождавшихся исследований культуры, такими как делинквентное поведение, молодежные культуры, субкультуры и стиль, вандализм, наркотики и футбольное хулиганство.

Когда в 1980 году вышло *второе издание* книги, я написал к нему введение («Символы беспокойства»), почти полностью посвященное «народным дьяволам» из заголовка (моды и рокеры), преимущественно в контексте субкультурных теорий делинквентного поведения, разработанных в Бирмингемском центре современных культурных исследований. В настоящем введении к *третье-*

¹ Термин «моральная паника» был впервые использован Джоком Янгом: *Young J. The Role of Police as Amplifiers of Deviancy, Negotiators of Reality and Translators of Fantasy // Images of Deviance / S. Cohen (ed.). Harmondsworth: Penguin, 1971. P. 37.* Вероятно, мы оба заимствовали его у Маршалла Маклюэна: *Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2014.*

му изданию я, напротив, ограничусь темой «моральной паники»: рассмотрю, как употребляли и критиковали это понятие на протяжении последних тридцати лет. Избранную библиографию читатель найдет на с. 345–350 наст. изд.

Для такого обзора имеются три взаимосвязанные отправные точки.

Во-первых, это сам предмет — тридцать лет моральной паники. Наблюдались целые кластеры реакций, которые вполне можно описать как «классическую» моральную панику, вне зависимости от того, применялся данный ярлык и/или его применение оспаривалось, будь то во время соответствующих событий или же впоследствии.

Во-вторых, та же публичная речь и медиадискурс, которые предоставляют нам свидетельства моральной паники, используют это понятие в качестве первопорядкового описания, рефлексивного комментария или критики². Существуют как краткосрочные реакции на злобу дня («нынешняя моральная паника по поводу педофилов»), так и долгоиграющие общие рассуждения о «состоянии нашей эпохи».

В-третьих, метавзгляд академических дисциплин, в частности исследований медиа и культуры, дискурс-анализа и социологии девиантности, преступности и борьбы с ней. Они приняли и адаптировали понятие моральной паники, расширили его и подвергли критике, а также включили на правах ключевой идеи в состав социологии и посвятили ему стандартизированные статьи в учебниках и словарях³.

² В британских газетах в период между 1984 и 1991 годами зафиксировано 8 упоминаний «моральной паники»; затем 25 — в 1992 году, и внезапный скачок — 145 — в 1993 году. С 1994 по 2001 год в среднем насчитывалось 109 упоминаний в год.

³ См. книгу Кеннета Томпсона «Моральная паника», вышедшую в серии «Ключевые идеи» издательства Routledge: *Thompson K. Moral Panics*. L.: Routledge, 1998. Определения см.: *Johnson A.G. Blackwell Dictionary of Sociology*. Oxford: Blackwell, 2000; *Murji K. Moral Panic // Dictionary of Criminology*. L.: Sage, 2001.

Если мы называем нечто моральной паникой, это не значит, что этого нечто не существует, его вообще не было, а реакция основана на фантазии, истерии, заблуждении и иллюзии, либо публику одурачили власти. Тем не менее стоит обратить внимание на два взаимосвязанных допущения: применение ярлыка «моральная паника» предполагает, что охват и значение рассматриваемого явления преувеличиваются 1) сами по себе (в сравнении с иными, более надежными, достоверными и объективными источниками) и/или 2) в сравнении с другими, более серьезными проблемами. Такое применение ярлыка обусловлено тем, что либералы, радикалы и левые сознательно отказываются принимать тревоги общества всерьез. Вместо этого они продолжают придерживаться политически корректной повестки по преуменьшению значения традиционных ценностей и моральных вопросов.

ПРОДОЛЖАТЬ ПАНИКОВАТЬ

Объекты нормальной моральной паники довольно предсказуемы; то же можно сказать и о дискурсивных формулировках, используемых для их репрезентации. К примеру: они *новы* (возможно, находятся в спящем состоянии и их сложно распознать; обманчиво повседневные и обыденные, они незаметно подкрадываются к моральному горизонту) — но также и *стары* (замаскированные разновидности традиционного и хорошо известного зла). Они наносят ущерб *сами по себе* — и в то же время суть лишь *тревожные знаки*, указывающие на гораздо более глубокое превалирующее состояние. Они *прозрачны* (все видят, что происходит) — но и *неясны*: авторитетные эксперты должны раскрыть опасность, таящуюся за чем-то на первый взгляд вполне безобидным (например, расшифровать тексты рок-песен, чтобы показать, как они привели к резне в школах).

Объекты моральной паники связаны с семью известными кластерами социальной идентичности.

1. Молодые агрессивные мужчины из рабочего класса

Чаще всего подходящим врагом становилась шпана из рабочего класса. Однако ее роли на протяжении десятилетий — футбольные хулиганы, грабители, вандалы, бездельники, угонщики ради забавы и похитители мобильных телефонов — не были привязаны к определенным субкультурным стилям. Господствующие субкультуры трудно идентифицировать из-за их разрозненности; приверженность моде, музыкальному стилю или футболу имеет слишком большой разброс для соположения и сравнения. В результате режима ограничений, установленного в годы правления Тэтчер и адаптированного новыми лейбористами, лузеров тихо выкинули за борт, чересчур тихо для любых публичных проявлений, вроде инцидентов с модами и рокерами. Все случаи беспорядков 1992 года в загородных муниципальных кварталах (в Бристоле, Солфорде и Бернли) были непродолжительными и сдержанными. За решительным исключением футбольного хулиганства, большинство массовых выступлений этих лет (беспорядки, бунты, волнения) организовывались на национальной почве (Брикстон, Лестер и Брэдфорд).

Помимо массовых выступлений выделяются два очень непохожих случая, оба названы по именам жертв. Первый из них, случай Джейми Балджера, был совершенно уникальным, но спровоцировал немедленную и яростную моральную панику; случай Стивена Лоуренса, хотя и оказался предвестником грядущих событий, вызвал весьма запоздалую, медленную и неоднозначную реакцию, так и не вылившуюся в панику в строгом смысле слова.

12 февраля 1993 года два десятилетних мальчика, Роберт Томпсон и Джон Венейблс, увели двухлетнего

Джеймса Балджера из супермаркета в Бутле (Ливерпуль). Они прошли с ним около двух с половиной миль до железной дороги, а затем забили его до смерти. Количество «детей, убивающих детей» весьма незначительно, и оно не растёт. Именно редкость и контекст этого события сделали его столь ужасным. Задолго до того, как в ноябре начался суд, история о Балджере превратилась в мощный символ всех зол Британии — «порода» жестоких детей, одичалых или безнравственных; отсутствие отцов, безответственность матерей и неблагополучие семей низшего класса; эксплуатация детских образов в демонстрации насилия по телевидению и в различных видео; безучастность окружающих: на зернистом экране некачественных систем видеонаблюдения видно прохожих, они смотрят, как два мальчика ведут малыша (вывернутая рука, по обеим сторонам от него два мальчика постарше, один идет с ним в ногу, другой мрачно тащит его вперед) на смерть.

Газета *The Sun* тут же призвала к «кампании в защиту нравственности ради спасения больного общества». Несколько дней спустя теневой министр внутренних дел Тони Блэр назвал новости недели «ударами молота по спящей совести страны, призывающими нас проснуться и не дрогнув взглянуть на то, что именно мы видим». *The Independent* (21 февраля 1993 года) использовала фразу Блэра в заголовке своей передовицы: «Удар молотом по нашей совести». В статье говорилось: «Британия — беспокойная страна, и ей действительно есть о чем беспокоиться». К концу недели Британия уже «изучала темные уголки своей души» (*The Economist*, 27 февраля 1993 года). Толика поздней модернистской рефлексии обнаружилась лишь у того, кто зарабатывает на жизнь морализаторством: архиепископ Джордж Кэри предупредил об опасности «скачивания в моральную панику».

Здесь таится опасность с готовностью принять простые объяснения. Брошенное вскользь замечание судьи —

«Я подозреваю, что демонстрация жестоких видеофильмов отчасти может служить объяснением ситуации» — тут же привело к возникновению фактоида: последним фильмом, который брал напрокат отец одного из мальчиков, был «Детские игры 3» (и впрямь мерзкое видео, в котором ребенок «убивает» одержимую куклу). В фильме сразу обнаружили «леденящие параллели» с убийством Джейми Балджера; оба мальчика «могли» посмотреть фильм (*Daily Mail*, 26 ноября 1993 года). Паника ударила по насилию в медиа. *The Sun* устроила публичное сжигание фильмов в жанре хоррор; по сообщениям, «Детские игры» были удалены из видеомгазинов; крупнейшая в Шотландии видеосеть сожгла все копии. Четыре месяца спустя старший инспектор полиции Мерсисайда заявил, что проверка семейных и прокатных видеотек показала: ни «Детские игры», ни другие похожие фильмы никто не смотрел.

Поиск смысла и причин произошедшего, разумеется, отнюдь не всегда сомнителен, простодушен или мифичен. Общественное мнение, социологические теории и поэтическое воображение⁴ вынуждены были предпринять серьезные усилия, чтобы как-то осмыслить такое событие. Но во время моральной паники и медиабезумства нетипичный единичный случай упрощается до общих категорий борьбы с преступностью (таких как «подростковое насилие»). Теория, предложенная в качестве объяснения, опирается на недостаточное количество случаев; при применении ее к большому числу ситуаций мы получаем несправедливые результаты.

Стивен Лоуренс был восемнадцатилетним чернокожим подростком из Южного Лондона. Вечером 22 апреля 1993 года, когда они с другом стояли на автобусной остановке, группа из пяти или шести белых молодых людей начала

⁴ См.: *Morrison B. As If. Cambridge: Granta, 1997.*

его оскорблять на расовой почве. Затем они пырнули его ножом в грудь, и через несколько часов он скончался.

Этот случай стал еще одной вехой. Он не был столь необычен, как история Балджера, но изобиловал не меньшими подробностями и получил даже большее и более длительное публичное и медийное освещение. Полиции не удалось привлечь к судебной ответственности известную группу подозреваемых, что вызвало целый ряд публикаций о ее некомпетентности и расистских взглядах. Спустя шесть лет непрерывных кампаний и заявлений — различных правозащитных организаций, групп по борьбе с расизмом и местного чернокожего сообщества, в том числе и от родителей Стивена Лоуренса — после завершения дознания, провалившегося частного иска, неполноценной внутренней полицейской проверки и расследования Управления по рассмотрению жалоб на действия полиции, было проведено судебное расследование, обошедшееся в 3 млн фунтов стерлингов (под руководством сэра Уильяма Макферсона, судьи в отставке), завершившееся в феврале 1999 года публикацией 335-страничного доклада⁵. Документ привлек огромное внимание общественности, и до сих пор при анализе работы полиции используются фразы «после Макферсона» или «после доклада о деле Стивена Лоуренса»⁶.

На первый взгляд имелись все ингредиенты для моральной паники. Сам доклад был направлен против расизма, факт которого был в нем установлен. Например: «Убийство Стивена Лоуренса было однозначно и недвусмысленно мотивировано только расизмом. Это было глубочайшей трагедией для его семьи. Это было оскорбле-

⁵ *Macpherson W.* The Stephen Lawrence Inquiry. L.: HMSO, 1999.

⁶ Два показательных примера: *McLaughlin E., Murji K.* After the Stephen Lawrence Report // *Critical Social Policy*. 1999. Vol. 19. No. 3. P. 371–85; *After Macpherson: Policing After the Stephen Lawrence Inquiry / A. Marlow, B. Loveday (eds).* Lyme Regis: Russell House Publishing, 2000.

нием для общества и в особенности для местного чернокожего сообщества в Гринвиче» (п. 1.11); «Никто так и не был осужден за это ужасное преступление, что наносит оскорбление как семье Лоуренса, так и обществу в целом» (п. 1.12). Среди самых важных причин неудачи названы профессиональная некомпетентность полиции и плохое руководство, однако главной проблемой является «пагубный и укоренившийся институциональный расизм», неспособность реагировать на нужды этнических меньшинств и «дискриминация, проявляющаяся в неосознанных предрассудках, невежестве, недомыслии и расистских стереотипах» (п. 6.34).

Почему же все это не привело к моральной панике? Несмотря на то что имя Стивена Лоуренса по-прежнему упоминалось, внимание общественности переключилось с жертвы на полицию. После быстрого исчезновения со сцены подозреваемых, чья культура насилия и расизма была вскоре забыта, полиция стала *единственным* объектом внимания публики. Доклад Макферсона обнаружил расколотую организацию, которая шлет обществу противоречивые и невразумительные сообщения, отмеченные «тревожащей неспособностью понять, насколько и почему важен вопрос расы»⁷. Именно из-за этой неспособности едва ли можно было ожидать, что полиция возьмет на себя бремя ответственности за фиаско с Лоуренсом и, тем более,отреагирует на дискредитирующее обвинение в «институционализированном расизме». Больше винить было некого, но полиция попросту не подходила на роль народных дьяволов. Более того, у нее была власть отвергать, преуменьшать или обходить любые неудобные для них претензии насчет виновности самой полиции⁸.

⁷ McLaughlin E., Murji K. After the Stephen Lawrence... P. 372.

⁸ Как гласила передовица *The Sun* от 1 марта 1999 года: «Британия поддерживает наших бобби: результаты опроса *Sun* говорят в пользу критикуемых копов».

Пресса правого толка, в особенности *Daily Mail* и *Daily Telegraph*, утверждавшая, что она говорит от лица всего британского общества, напрямую помогала полиции. Эти газеты с поразительной точностью применяли методы, которые можно было бы внести в методичку под названием «Как предотвратить моральную панику». Представление об «институционализированном расизме» было разоблачено как бессмысленное, гиперболизированное и чересчур огульное; сам термин мог вызвать недовольство среди простых людей (теория стигматизации и амплификации девиации); он очерняет всю полицию из-за каких-то нескольких человек, заслуживающих порицания; британцы — толерантный народ, они маргинализировали ультраправых и позволили интегрироваться расовым меньшинствам. Доклад, заявляла *Daily Telegraph*, вполне мог происходить из «ультралевого лагеря», а некоторые из его выводов «граничат с безумием». Макферсон (охотник на ведьм, карающий за мысленные преступления) был «полезным придурком», которому промыло мозги «лобби по вопросу межрасовых отношений» (*Sunday Telegraph*, 21 и 28 февраля 1999 года; *Daily Telegraph*, 26 февраля 1999 года).

В конечном счете делу Лоуренса не достало трех компонентов, необходимых для успешной моральной паники. Во-первых, не было *подходящего врага*, легкой мишени, которую просто обвинить и у которой нет достаточной власти или, еще лучше, даже нет доступа к полям сражений культурной политики. Это явно не британская полиция. Во-вторых, не было *подходящей жертвы*, с которой любой мог бы себя идентифицировать, которой однажды мог бы стать кто угодно. Это явно не чернокожие подростки из бедных районов. В-третьих, не было консенсуса в том, что осуждаемые убеждения или действия являются не отдельными сущностями («дело не только в этом»), а неотъемлемой частью общественной жизни или что они

могут (и будут) происходить, если только «что-нибудь не предпринять». Очевидно, что не будь институционализированного расизма в полиции, его не было бы и в обществе в целом.

2. Насилие в школах: травля и стрельба

Фильм 1956 года «Школьные джунгли» долгое время служил в Британии и США ярким образом зловещей жестокости школ в бедных районах. Насилие понимается как постоянный и обыденный фон: ученики друг против друга (травля, опасные агрессивные игры, демонстрация оружия); учителя против учеников (будь то формальные телесные наказания или непосредственно гнев и самозащита).

Эпизодически выплескивается возмущение по поводу насилия в школах и связанных с ним проблем — прогулов, массового исключения посредством перевода в специальные классы или учреждения, а с недавнего времени — и продажи наркотиков у входа в школу. Для полноценной моральной паники, однако, требуется исключительный или чрезвычайно драматичный случай. Извечные ритуалы травли в классе и на игровой площадке (в кои-то веки и девочки получают заслуженную долю внимания), как правило, подвергаются нормализации до тех пор, пока жертва не получит серьезную физическую травму или не покончит жизнь самоубийством.

Среди недавних примеров — череда массовых убийств и стрельба в школах. Первые картинки массовой стрельбы — из США середины 1990-х годов — были довольно непривычны: полиция фотографирует школьную территорию, парамедики стремительно увозят раненых, родители задыхаются от ужаса, дети обнимаются; наконец, цветы и записки у школьных ворот. В конце 1990-х, когда такие события были все еще редки, каждый новый случай описывался как «очень привычная история». Переход к риторике

ке моральной паники зависит не столько от числа случаев, сколько от когнитивного сдвига от «как такое могло произойти именно там?» к «это могло произойти где угодно». По крайней мере в США такой сдвиг ознаменовался бойней в «Колумбайне».

20 апреля 1999 года двое учеников, одетых в черное (одному из них семнадцать, другому только исполнилось восемнадцать), вошли в школу «Колумбайн» (1800 учеников) в тихом городке Литлтон, штат Колорадо. У них было два дробовика, пистолет и карабин. Они начали стрельбу — сначала по знакомым школьникам, занимавшимся физкультурой, затем убили учителя и двенадцать учеников и застрелились сами. Как это могло произойти? Журнал *Time* задался вопросом: «Чудовища по соседству: что заставило их так поступить?» (3 мая 1999 года). Заголовки британских газет (архетипические распространители моральной паники) предложили целый ряд объяснений. 22 апреля газета *Daily Mail* избрала идеологическое объяснение: «Ученики Гитлера». *The Independent* предпочла психопатологию: «Неудачники, убивающие за тычки», как и *Sunday Times* (25 апреля): «Кровожадная месть неудачников в плащах». *The Guardian* обошла проблему мотивации, пойдя умеренно-либеральным путем: «Резня, ставящая под вопрос роман Америки с оружием» (22 апреля).

Торопливость в поисках причинно-следственной связи — или по меньшей мере языка осмысления — обнаруживается во всех морально-панических текстах. Если «Колумбайн» в самом деле, по словам президента Клинтона, «пронзил душу Америки», то мы должны выяснить, почему *это* событие произошло и как предотвратить его повторение *где-либо еще*. Более того, если оно случилось в таком месте, как «Колумбайн» (а большинство массовых убийств в школах действительно происходят в самых обычных местах), то оно вполне может произойти где угодно.

Когда разворачиваются подобные истории, для комментариев приглашаются эксперты вроде социологов, психологов и криминологов, которые поставляют каузальный нарратив. Их дежурный дебютный ход — «посмотреть на вещи в перспективе» — обычно не очень помогает: «Школа — все еще наиболее безопасное место для детей; гораздо больше погибает дома, чем в классе».

3. Не те таблетки:

принимаемые не теми людьми и не в тех местах

Моральная паника по поводу психоактивных веществ удивительно последовательна на протяжении уже около сотни лет: злой дилер и уязвимый потребитель; скользкий путь от «мягких» к «сильным» наркотикам; логика запрета. В список просто добавляются новые вещества: героин, кокаин, марихуана, затем наркотики шестидесятых — амфетамины (излюбленные таблетки модов) и ЛСД. Затем еще ряд веществ: дизайнерские наркотики, фенциклидин (РСР), синтетические наркотики, экстази, летучие растворители, крэк; и новые ассоциации — эйсид-хаус, рейвы, клубная культура, супермодели в стиле «героиновый шик».

В Британии Ли Беттс, вслед за Джеймсом Балджером, стала еще одним мелодраматическим примером моральной паники вокруг трагической гибели одного человека. 13 ноября 1995 года восемнадцатилетняя Ли Беттс потеряла сознание вскоре после того, как приняла таблетку экстази в одном из лондонских ночных клубов; она была доставлена в больницу и впала в кому. На следующий день — по не совсем понятным причинам — появились панические заголовки на тему страданий ее родителей; о злобных торговцах отравой; настойчиво повторяющееся послание «на ее месте мог быть ваш ребенок». Ли умерла через два дня. Ее родители стали регулярно вы-

ступать в СМИ, предупреждая об опасности экстази. Они мгновенно стали экспертами и моральными компасами — любое несогласие свидетельствовало бы о неуважении к их горю. Особый вес предупреждениям придавала респектабельность семьи Ли: отец — бывший полицейский, мать работала наркологом. Это означало, как объясняла *Daily Express*, что наркотики оказались «гнилью в сердце средней Англии». Ли была «девушкой из соседнего дома».

Эпизод многократно анализировался: сама история, реакция СМИ, ответная реакция левых либералов (против распространяемой СМИ паники) и даже реакция левых либералов на ответную реакцию, обвиняющая ее в том, что она представляет собой лишь зеркальное отражение, лишь обращение одного простого послания в другое, столь же простое⁹. Вместо «молодежная поп-культура повсеместно поощряет употребление наркотиков и подвержает нормализации другие антисоциальные действия и установки» мы имеем: «повсеместная паника СМИ при освещении этой проблемы способствует установлению ложного консенсуса, который отчуждает случайных потребителей наркотиков и подвергает их дальнейшей маргинализации».

История оказалась долгоиграющей. Почти полгода спустя беспокойство продолжало нарастать: «Даже лучшие родители самых уравновешенных детей опасаются, что в следующий уикенд один из них может каким-то образом оказаться Ли Беттс, умершей от приема экстази» (*Daily Telegraph*, 12 апреля 1996 года). Спустя год и два месяца со смерти Ли поп-звезда Ноэль Галлахер был вынужден извиниться перед ее родителями за слова о том, что употребление экстази стало обычным делом, при-

⁹ См.: *Murji K. The Agony and the Ecstasy: Drugs, Media and Morality // The Control of Drugs and Drug Users: Reason or Reaction? / R. Coomber (ed.). L.: Harwood Publishers, 1998.*

том безвредным, для некоторых молодых людей. В марте 2000 года, примерно через пять лет после смерти Ли Беттс, о ее матери весьма часто писали, что она «набрасывалась» на Федерацию полиции Англии и Уэльса, проводящую исследование, в котором предлагалось смягчить некоторые законы об употреблении наркотиков. Отец Ли по-прежнему был узнаваемым авторитетом: «Отец жертвы экстази предупреждает об опасности наркотиков» (*Birmingham Evening Mail*, 12 октября 2000 года); «Отец Ли, умершей от наркотиков, находится здесь не для того, чтоб проповедовать» (Болтон, *UK Newsquest Regional Press*, 18 мая 2001 года).

4. Насилие над детьми, сатанинские ритуалы и картотеки педофилов

Термин «насилие над детьми» охватывает множество различных видов жестокости по отношению к детям — безнадзорность, физическое насилие, сексуальное насилие, — будь то со стороны их родителей, персонала интернатов, «священников-педофилов» или совершенно незнакомых людей. В последнее десятилетие общественное восприятие этой проблемы стало все больше фокусироваться на сексуальных посягательствах и сенсационно атипичных случаях за пределами семьи.

Реакции на сексуальное насилие над детьми зависят от непостоянных моральных принципов: образ насильника трансформируется; некоторые жертвы кажутся более подходящими, чем другие¹⁰. Ряд историй последних двадцати лет, повествующих о масштабном насилии в детских домах и других подобных учреждениях, говорит не о панике или даже тревоге, а о леденящем отвержении. Жерт-

¹⁰ См.: *Jenkins P. Moral Panic: Changing Concepts of the Child Molester in Modern America. New Haven: Yale University Press, 1998.*

вы претерпевали годы неприятия и жестокого обращения со стороны собственных родителей и персонала, которые должны были о них позаботиться. Их жалобы старшим сотрудникам, чиновникам и политикам из местных органов власти наталкивались на недоверие, сговор с обвиняемой стороной и жесткое системное покровительство. Отрицание, разоблачение и осуждение шли волнами. Тот же паттерн применим к другим традиционным народным дьяволам — священникам-педофилам¹¹.

Однако в середине 1980-х годов получила широкую огласку череда детских смертей при более «обычных» обстоятельствах, что привело к панике совсем иного толка. В знакомом преступном треугольнике — ребенок (невинная жертва), взрослый (злой преступник) и свидетели (шокированные, но пассивные) — появляется четвертая сторона: социальный работник, который пытается выступить спасителем, но по каким-то причинам оказывается обвинен во всех бедах. Социальные работники и профессионалы социальных служб были народными дьяволами среднего класса: либо доверчивыми слабаками, либо штурмовиками государства-няньки, либо безучастными бюрократами с холодным сердцем, поскольку не вмешались вовремя, чтобы защитить жертву, либо чрезмерно усердными докучалами с благими намерениями, поскольку безосновательно вторгались в ситуацию и вмешивались в частную жизнь.

Кливлендский скандал 1987 года вокруг сексуального насилия над детьми ознаменовал пик этого периода и отразил его основные темы: противоречия между социальной работой, медициной и правом; тревожность, деморализованность и особую уязвимость социальных работников, тем более это преимущественно женская про-

¹¹ См.: *Jenkins P. Pedophiles and Priests: Anatomy of a Contemporary Crisis. Oxford: Oxford University Press, 1996.*

фессия¹². В течение трех месяцев с апреля того года около 120 детей (средний возраст от 6 до 9 лет) получили диагноз «пострадавшие от сексуального насилия в семье». В июне местная газета опубликовала сюжет о растерянных и возмущенных родителях, которые утверждали, что детей у них забрали социальные работники местной администрации на основании спорного диагноза сексуального насилия, поставленного двумя педиатрами в местной больнице. Об этой истории рассказывалось в *Daily Mail* 23 июня («Местный совет — родителям 200 ребят: “Отдайте своих детей”»).

Возникшая в результате моральная паника превратилась в яростную битву претензий и встречных требований. Ключевые фигуры — социальные работники, полиция, педиатры, врачи, юристы, родители, политики местного и общенационального уровней, затем представители суда — были настолько заняты переводением стрелок друг на друга, что не сумели прийти к минимальному консенсусу по сути эпизода.

Другой эпизод, в гораздо большей степени фиктивный, представляет собой один из наиболее типичных случаев моральной паники. На фоне весьма реального феномена сексуального насилия над детьми и инцеста появились «восстановленные воспоминания» о детском инцесте: жаркие споры о существовании вытесненных (и восстановленных) воспоминаний о сексуальном насилии, пережитом в детстве. Из этих терапевтических бездн выросла история о «ритуальном насилии над детьми», «культурных надругательствах над детьми» или о «сатанинской жестокости». Около 1983 года стали распростра-

¹² Два различных, но взаимодополняющих взгляда отражены в следующих работах: *Campbell B.* Unofficial Secrets: Child Sexual Abuse — The Cleveland Case. L.: Virago, 1989; *Parton N.* Governing the Family: Child Care, Child Protection and the State. L.: Macmillan, 1991 (в особенности см. гл. 4).

няться тревожные сообщения о детях (а также о взрослых, проходящих терапию и «восстанавливающих» свои детские воспоминания), которые якобы подверглись сексуальному насилию в ходе ритуалов тайных сатанинских культов, сопровождавшихся истязаниями, каннибализмом и человеческими жертвоприношениями. Сотни женщин были «матками»; детям калечили гениталии, заставляли есть кал, приносили в жертву сатане, расчленили их тела и кормили ими участников, которые оказывались членами семьи, друзьями и соседями, воспитателями детских садов и видными членами сообщества. Претензии к разным частям этой истории объединили консервативных христианских фундаменталистов с феминистскими психотерапевтами.

Только одна из форм сексуализированного насилия над детьми не порождает ни сомнений по поводу реальности явления, ни моральных разногласий: похищение, изнасилование и убийство детей, в особенности девочек. Это поражает всех нас до глубины души. Существует паническое чувство уязвимости — как в смысле статистического риска (кажется, эти события происходят все чаще), так и в смысле эмоциональной эмпатии (что бы я чувствовал, если бы такое произошло с моим ребенком?). Сценарий становится все более узнаваемым: ребенок исчезает по дороге из школы; полиция создает следственную группу; опрашивают школьных друзей, соседей, учителей; отчаявшиеся, убитые горем родители выступают по телевидению; граждане присоединяются к полиции, прочесывая поля и реки...

Насильники — лучшие кандидаты на статус монстра. Похищение и убийство восьмилетней Сары Пейн в июле 2000 года привело к «крестовому походу» (по выражению газеты *News of the World*) в виде серии классических текстов, сотворяющих чудовищ. В передовице от 23 июля читаем: «ОГЛАСКА И ПОЗОР. В Британии живет 110 тыс.